

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

Древнеиндийская «ПОВЕСТЬ О САВИТРИ» в переводе Н. В. Лобановой

В. К. Афанасьева
Государственный Эрмитаж
Я. В. Васильков
Институт востоковедения РАН
(Санкт-Петербург)

Характеристика памятника

«Повесть о Савитри» (*Sāvitrīurākhyāna*) представляет собой одно из вставных сказаний грандиозной санскритской эпопеи «Махабхарата» (*Mbh.* III. 277–282). Другое ее название: *Pativrātāmahātmya* — «Величание преданной супруги»; и действительно, в сказании повествуется об идеальной жене, превыше всего ставящей благополучие своего боготворимого супруга и его рода. Она бдительно охраняет мужа в день, когда, согласно предсказанию, он должен умереть, следует по пятам за богом смерти Ямой, уносящим душу ее супруга в загробный мир, побеждает Яму в словесном состязании и в итоге возвращает мужа к жизни. Исследователи любят сопоставлять это сказание с европейскими фольклорными сюжетами, в которых один из супругов пытается спасти от смерти или вызволить из царства мертвых другого, умершего (Орфей и Эвридика, Адмет и Алкестида, Протесилай и Лаодамия, Брюнхильда и Сигурд и т. д.)¹. Однако от всех подобных, структурно сходных европейских сюжетов «Повесть о Савитри» отличается одной существенной особенностью. Ключ, раскрывающий эту особенность, — в имени героини.

«Савитри» (*sāvitrī*) 'относящаяся к Савитару (= Солнцу в функции бога-Побудителя)' — это не только имя героини сказания, но прежде всего название одной из ведийских мантр (молитвенных формул), иначе называемой Гаятри (*Gāyatrī*), причем эта мантра (Ригведа III. 62. 10) с незапамятных времен до сего дня остается самым ритуально значимым и популярным санскритским текстом, по своей каждодневной употребительности сопоставимым с Молитвой Господней («Отче наш...») в христианской культуре. «Савитри» было также именем богини, персонифицировавшей эту мантру в индийской мифологии.

Следует иметь в виду, что древнеиндийский эпос совершенно уникален на фоне всех эпосов мира в том отношении, что исторически он, переходя с одной стадии типологического развития на другую и приобретая новые характеристики, не отбрасывал, а сохранял, рядом с новыми, характеристики прежней стадии. Развившись из архаических форм в героический эпос классического типа, а затем отчасти переработанный в религиозно-дидактическую, философскую эпопею, он и в нынешнем виде удерживает некоторые черты, присущие эпосам наиболее архаическо-

¹ См.: Смирнов Б. Л. Введение // Махабхарата I. Две поэмы из III книги / Пер. с санскр., введ. и примеч. д. чл. АН ТССР Б. Л. Смирнова. Ашхабад, 1955. С. 29; *Aklujkar V. Sāvitrī: old and new // Essays on the Mahābhārata / Ed. by A. Sharma. Leiden, 1991. P. 325–326.*

го типа². Важнейшей из таких черт является наличие у эпического сюжета мифологического и ритуального фона. Герой архаического эпоса — это часто воплощение бога на земле, он воспроизводит в земных условиях, в квазиисторическом времени действие бога, уже совершенное прежде, «в начале времен». Мы наблюдаем подобную картину в некоторых, наиболее архаичных устных эпосах народов Сибири³ и в древних письменных эпосах архаического типа (так Гильгамеш в своем путешествии за вечной жизнью воспроизводит подземный путь Шамаша — Солнца⁴). В классическом героическом эпосе мифологический фон уже стерт, и доказать, например, что похищение Елены Прекрасной в гомеровском эпосе каким-то образом восходит к мифу о похищении Персефоны⁵ можно только путем довольно изощренной реконструкции.

Савитри — типичная архаико-эпическая героиня. Она — двойник, а возможно, и воплощение богини того же имени. И действие ее (противостояние смерти, возвращение к жизни мужа — Сатьявана) в глазах сказителя и его аудитории было, по-видимому, параллельным, если не тождественным, архетипическому действию богини. В ведийском мифе Савитри-Гаятри (персонификация мантры) похищает с небес живую воду (*сома=амрита*), чтобы поддержать жизнь богов (Шатапатха-брахмана III. 2. 4 и др.); сама эта мантра отождествляется с дыханием (*прана*) и жизнью (Джайминия-брахмана I. 99, 292). В ходе обряда инициации (*упанаяна*) посвящаемый, как считалось, умирал, и именно сообщение учителем мантры Савитри даровало ему «новое рождение»⁶. В «Махабхарате» связь сюжета «Повести о Савитри» с мифологией главной ведийской мантры и с обрядом посвящения подразумевается, ее как бы можно прочесть между строк. Но в более поздней «Сканда-пуране» (VII. 1. 166) эта связь выражена прямо и само сказание о Савитри и Сатьяване призвано там возвеличить именно *мантру* Савитри (Брахма-Гаятри).

В пуранах же у сюжета о Савитри появляется еще одна интересная ритуальная связь. Согласно эпической «Повести», смерть застигает Сатьявана на лесной поляне, где он рубит дрова. Но в «Сканда-пуране» многократно подчеркивается, что он умирает и тело его лежит под определенным деревом. Это — знаменитая многоствольная индийская смоковница, баньян (*vata*). Баньян — один из архаических индийских символов мирового древа, но в сюжете о Савитри он появляется не поэтому (или не только поэтому). С глубочайшей древности, возможно — еще со времен цивилизации долины Инда, в народной культуре Северной Индии существовал женский обряд поклонения баньяну, связанный с культом плодородия. В классическом индуизме этот обряд оказался соотнесен с сюжетом о Савитри: называется он *Vatasāvitrivrata* 'обряд Савитри при баньяне', в его содержании преобладающим становится момент совершаемого женами моления о долголетию и благополучии мужей, и неотъемлемым его элементом выступает теперь публичное исполнение эпической «Повести о Савитри»⁷.

² См.: Vassilkov Ya. The Mahābhārata's Typological Definition Reconsidered // Indo-Iranian Journal. Vol. 38. № 3. July 1995. P. 249–256.

³ См., напр.: Томилов Н. А. Астральные представления нарымских селькупов // Ранние формы религии народов Сибири: Материалы 3-го Советско-французского симпозиума. СПб., 1992. С. 166–173.

⁴ Дьяконов И. М. Эпос о Гильгамеше // Эпос о Гильгамеше («О все выдавшем») / Пер. с аккад. И. М. Дьяконова. М., 1961. С. 119.

⁵ Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос: Генезис и типология. М., 1974. С. 278–279.

⁶ См.: Dange S. A. Legends in the Mahabharata. Delhi, 1969. P. 226–228; Он же. Savitri and the Banyan // Dange S. A. Glimpses of Puranic Myth and Culture. Delhi, 1987. P. 60–62.

⁷ Подробнее об этом ритуале см.: Sharma B. N. Festivals of India. New Delhi, 1977. P. 21, 87. Fig. 24; Dange S. A. Glimpses... P. 62–65; Parpola A. The «Fig Deity Seal» from Mohenjodaro: Its Iconography and Inscription // South Asian Archaeology, 1989. P. 229; Васильков Я. В., Гуров Н. В. Страна Аратта по древним письменным источникам // Вестник Восточного института. Т. 1. № 1. 1995. С. 45–46, 52.

Таким образом, «Повесть о Савитри» служит хорошим образцом тех древнеиндийских эпических сюжетов, которые в процессе бытования меняли свой ритуально-мифологический фон, выступая в разных исторических обстоятельствах «знаком» то одного, то другого мифа или обряда.

Эпическая «Повесть о Савитри» всегда была очень популярна в Индии, однако переработок и переложений ее сюжета в классической поэзии и в традиционной литературе на новоиндийских языках почти нет. Причину этого справедливо усматривают в том обстоятельстве, что высокая активность эпической героини, берущей на себя всю ответственность за судьбу мужа, его рода и собственных родителей, плохо согласовывалась со статусом индийской женщины в последующие исторические периоды. Зато в новейшее время появились уже две литературные переработки сюжета, творчески обыгрывающие заключенные в нем мифологические архетипы. Это — большая англоязычная поэма Ауробиндо Гхоша «Савитри» (1954), трактующая сюжет как мистико-философскую аллегорию, и одноименный рассказ тамильского прозаика К. Сантханама (1963), переносящий действие в современный Мадрас и решающий на материале этого древнего сюжета вечные проблемы веры и скептицизма, предопределения и свободы воли⁸.

В России, как и в других странах Европы, «Повесть о Савитри» принадлежит к числу популярнейших сюжетов древнеиндийского эпоса, о чем свидетельствует длительная традиция перевода. Этапными в развитии этой традиции стали переводы П. Я. Петрова, Б. Л. Смирнова и С. Л. Невелевой⁹. Достойное место в этом ряду займет и предлагаемый ныне вниманию читателей перевод, выполненный около полувека назад Ниной Владиславовной Лобановой.

Об авторе перевода

Нина Владиславовна Лобанова (1904—1976) родилась в Санкт-Петербурге, в семье педагога и ученого, исследователя античной культуры Владислава Романовича Лобанова (1881—1943). Семья жила в Люблине и Бежице, где В. Р. Лобанов преподавал в гимназиях. Унаследовав от отца любовь к древности и искусству, Нина Владиславовна в 1924 г. поступила в созданный В. Я. Брюсовым литературно-художественный Институт Живого Слова (впоследствии — ВЛХИ им. В. Я. Брюсова, Москва), а в 1926 г. переехала в Ленинград и стала студенткой ЛГУ. Здесь ей посчастливилось изучать санскрит и древнеиндийскую литературу под руководством великого русского индолога, академика Ф. И. Щербатского. Занималась Н. В. Лобанова также тамильским языком у основателя российской дравидологии А. М. Мерварта и хинди — у молодого тогда преподавателя А. П. Баранникова (будущего академика). Главной областью ее интересов оставался, однако, санскрит. На пятом курсе ее отчислили из Университета за несданный экзамен по политэкономии, а в 1934 г., после ареста мужа, также студента-восточника, К. А. Афанасьева, Н. В. Лобанова, чудом избежав ареста сама (спасло только ожидание ребенка), отправляется с маленькой дочерью к месту назначенной мужу десятилетней ссылки, в г. Сыктывкар. В ссылке же родилась ее младшая дочь.

Вернувшись после войны в Ленинград, Нина Владиславовна возобновила занятия санскритом, и в 1947 г. академик А. П. Баранников принял бывшую ученицу на работу на кафедру индийской филологии Восточного факультета ЛГУ, где она и прослужила (в должности сначала лаборанта, затем секретаря) вплоть до ухода в 1962 г. на пенсию. Плохое здоровье и тяжелые условия жизни не позволили ей

⁸ См.: *Aklujkar V. Savitri*. P. 328—332.

⁹ Сказание о Савитрии: (Из «Махабхараты») / Пер. с санскр. П. Петрова // Москвитянин. 1841. Ч. 6, № 12. С. 337—352; Махабхарата I. Две поэмы из III книги / Перевод с санскр., введ. и примеч. д. чл. АН ТССР Б. Л. Смирнова. Ашхабад, 1955. С. 130—164; Махабхарата. Книга III: Лесная («Араньякапарва») / Пер. с санскр., предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1987. С. 554—571.

реализовать в полной мере свои знания и способности. Ее печатные работы немногочисленны. По ним, однако, можно заключить, что Н. В. Лобанова обладала обширными индологическими познаниями и безошибочной научной интуицией. В этих работах виден отпечаток традиций разгромленной в предвоенные годы петербургской-ленинградской школы классической индологии, единственным, по существу, *прямым* продолжателем которых осталась Н. В. Лобанова. В свете этого не случайными выглядят ее занятия историей отечественной индологической науки. Она исследовала книжное собрание основателя петербургской индологической школы И. П. Минаева, после его смерти поступившее в Университет¹⁰, а в исключительно информативной статье об истории кафедры индийской филологии в ЛГУ¹¹ впервые после долгого замалчивания рассказала о трудах репрессированных учеников Ф. И. Щербатского — А. И. Вострикова и М. И. Тубьянского, упомянула имя А. М. Мерварта как первого отечественного тамилста. Особой областью исследовательских интересов Нины Владиславовны была древнеиндийская теория искусства — *шилпашастра*. Изучение традиционной иконографии привело ее к чрезвычайно ценным, поныне остающимся актуальными выводам о многослойности образов индийской мифологии, в которых типологически поздний религиозно-философский уровень интерпретации совмещается с последовательностью более ранних образно-смысловых наслоений, причем древнейшие из них восходят к первобытной архаике¹². Последней индологической публикацией Н. В. Лобановой явился комментированный перевод фрагментов из средневековых трактатов по *шилпашастре*¹³.

Но была у Н. В. Лобановой еще одна область интересов в индологии, к сожалению, не нашедшая при ее жизни никакого отражения в печатной продукции. На протяжении многих лет она трудилась над переводами отрывков из санскритских эпических поэм — «Махабхараты» и «Рамаяны», занималась поисками возможностей адекватной передачи древней поэзии средствами современного русского языка. Свои взгляды по проблемам перевода эпоса Нина Владиславовна четко сформулировала в 1950 г. в отзыве на перевод I книги «Махабхараты», «Адипарвы», подготовленный В. И. Кальяновым. Отзыв содержал достаточно резкую, но справедливую критику рецензируемого перевода, на примерах раскрывал некоторые принципиальные его недостатки, такие как антиисторизм в интерпретации ключевых санскритских терминов, тенденция к «чисто механической подстановке слов» при игнорировании контекста и, наконец, ориентация не столько на текст критического издания, сколько на старый (1883—1896) английский перевод К. М. Гангули («Роя»). Проявленная принципиальность по ряду причин стоила ей дорого: после выступления на кафедре с отзывом (который, разумеется, не был напечатан) пришлось расстаться с мечтой о чтении спецкурса по санскритской поэзии.

Расхождение с В. И. Кальяновым определялось не только принципами интерпретации текста и чтением конкретных мест, но и требованиями, которые предъявляла Н. В. Лобанова к стилистике перевода. По ее мнению, «для поэтических произведений, каким является „Махабхарата“ в целом, сохранение ритмической формы необходимо». Отметим, что речь идет здесь именно о «ритмической», а не о стихотворной форме. Очевидно, ей представлялись в равной мере неудовлетворительными и перевод «Махабхараты» «простой прозой» (В. И. Кальянов), и попытка передавать санскритскую шлоку тем или иным русским стихотворным размером. От последнего должен был предостерегать бывший в то время у всех

¹⁰ См.: Лобанова Н. В. Книги из Индии // Нева. 1955. № 5. С. 184.

¹¹ Кафедра индийской филологии // Востоковедение в Ленинградском университете. Л., 1960. С. 79—97. (Учен. зап. ЛГУ. № 296. Серия востоковедческих наук. Вып. 13).

¹² Мифологические образы хиндуизма в Шилпашастрах // Учен. зап. ЛГУ. № 279. Серия востоковедческих наук. Вып. 9. Л., 1960. С. 71—80.

¹³ Средневековые индийские мастера о скульптуре: Из хиндуистских трактатов 5—16 вв. / Предисл., пер. и примеч. Н. В. Лобановой // Мастера искусств об искусстве. Том 1: Средние века / Под ред. А. А. Губера и В. В. Павлова. М., 1965. С. 30—58.

перед глазами недавний опыт академика А. П. Баранникова, который перевел однообразным размером огромную по объему поэму на средневековом хинди — «Рамаяну» Тулсидаса; перевод подавлял монотонностью, быстро утомлял читателя. Об этом, впрочем, в отзыве Нины Владиславовны не говорится; воздержавшись от прямой критики учителя, она лишь указывает, что стихотворный перевод остается «идеалом адекватного воспроизведения поэтического памятника», который «практически... не всегда достижим» (прежде всего потому, что исполнитель непременно сам должен быть подлинным поэтом), «и с такой неполноценностью перевода приходится мириться». «Может хорошо звучать и прозаический перевод, если он выполнен художественно, если переводчик ощущает стиль подлинника и стремится его передать. Такую прозу перевода должно пронизывать воспоминание о стихе оригинала. Даже и в прозаическом переводе „Махабхараты“ читатель должен ощущать исчезнувший стих, должен ощутить чередование стиха и прозы, что встречается в „Махабхарате“, деление текста на шлоки как ритмико-синтаксические единицы, наконец, чередование (независимо от стихотворной или прозаической формы выражения) чисто поэтического с прозаическим. Это чередование также характерно для „Махабхараты“, в которой сами индийцы видели одновременно и *итихасу* (сказание), и *шастру* (науку). Воспроизведение композиционного деления на шлоки как синтаксические единицы упорядочило бы синтаксис перевода и не допустило бы таких длинных путанных предложений, которые в переводе В. И. Кальянова занимают порой полстраницы и создают впечатление тяжеловесности, в то время как шлока „Махабхараты“ полна динамики»¹⁴.

Приведенная цитата свидетельствует о том, что из двух современников, работавших в 1950–1960-х гг. над переводом «Махабхараты» (В. И. Кальянов и Б. Л. Смирнов), Н. В. Лобановой был ближе по теоретическим установкам работавший в Ашхабаде академик Б. Л. Смирнов. По их сохранившейся переписке видно, что Б. Л. Смирнов очень высоко ценил замечания и отзывы Нины Владиславовны. Теперь у читателя будет возможность сравнить переводы «Повести о Савитри», выполненные Н. В. Лобановой и Б. Л. Смирновым (см. примеч. 9). При таком сравнении станет очевидным, что и в практической реализации переводческих установок у двух авторов есть много общего. В обоих случаях перевод выполнен ритмизованной прозой, которую «пронизывает воспоминание о стихе оригинала», сохраняется разбивка текста на шлоки как «ритмико-синтаксические единицы». При этом перевод Н. В. Лобановой, как нам кажется, точнее воспроизводит смысл подлинника и в то же время более совершенен по стилю, более поэтичен.

С. Л. Невелева и Я. В. Васильков, включившиеся в работу по полному переводу «Махабхараты» на русский язык в 1960-х гг., вырабатывали свой метод перевода, не зная о работах в этом направлении Н. В. Лобановой, но с учетом опыта Б. Л. Смирнова. Они, безусловно, ощущают себя связанными преемственностью именно с той традицией перевода «Махабхараты», которую представляли Н. В. Лобанова и Б. Л. Смирнов. При том что время внесло некоторые коррективы¹⁵, принципы перевода древнеиндийского эпоса, сформулированные и практически реализованные Н. В. Лобановой и Б. Л. Смирновым, остаются актуальными. Настоящая публикация перевода Н. В. Лобановой имеет целью не только почтить память талантливого ученого. Мы уверены, что этот текст может послужить образцом и для последующих поколений переводчиков великой индийской эпопеи на русский язык.

¹⁴ Цитаты из отзыва Н. В. Лобановой на работу В. И. Кальянова даны по машинописному экземпляру отзыва, хранящемуся в домашнем архиве ее дочери, В. К. Афанасьевой.

¹⁵ Например, теперь считается доказанным устно-поэтическое происхождение «Махабхараты» и, следовательно, фольклорный характер эпического стиха; а если так, то перевод индийского эпоса русским литературным стихом не может быть допущен даже в качестве труднодостижимого идеала. Устно-эпический стих по своей поэтике и эстетике в корне отличен от стиха литературного.

ПОВЕСТЬ О САВИТРИ

I

Промолвил Юдхитхира¹:

Не о себе скорблю и не о братьях, о великий Муни²!
И даже о потере царства не скорблю,
как об этой дочери Друпеды³.

От игры в кости со злодеями пострадали мы,
и Кришна спасла нас,
И вот затем Джаядратхой была из лесу похищена силой⁴!
Видано ли, слыхано ли, чтобы прежде была женщина,
Столь же в супружестве верная и с такой же великой участью,
как эта дочь Друпеды?

Маркандея⁵ промолвил:

Слушай, о царь Юдхитхира, как поистине великая участь
Среди родовитых жен постигла царевну Савитри⁶.

Был у мадров⁷ всесправедливейший праведный царь.
Благочестивый и доблестный, ревнитель истины,
преодолевший соблазны.

Жертвователь, владыка щедрот, умелый,
Был он любезен и горожанам, и сельским жителям.

В благе всего сущего полагал свою усладу
Властитель этот по имени Ашвапати.

Но бездетным будучи, он, правдивый и кроткий,
победивший соблазны,

С наступлением возраста в печаль погрузился

И порождения ради потомства суровый принял обет
Брахмачарин⁸, преодолевший соблазны:

Воздержанье от пищи в часы, для нее положенные.

Стотысячекратно жертвы богине Савитри⁹ вознося, он,
о лучший из царей,

Лишь раз в шесть суток принимал немного пищи.

Этим подвигом жил он годы — долгих восемнадцать лет.
Когда ж восемнадцатый минул год, возликовала Савитри.
Зримое обличье приняв, она повелителю тому явилась¹⁰,

Восстав из жертвенного огня, великим веселием объятая.
И сказала, благодатная, такие слова властителю,

Так Савитри молвила:

Очистительным подвигом, воздержанием и смирением,
Преданностью и почитанием твоим я довольна, о царь!

Выбирай по желанию дар, Ашвапати, властитель мадров,
Да не пренебрежешь никогда ты законом!

Промолвил Ашвапати:

Во имя блага иметь потомство подвизание это совершено мною.
Да будет у меня, богиня, много сыновей — умножителей племени;

Если возрадована ты мной, о богиня, этот дар избираю я.
«Высший долг — продолжение рода» — так сказали мне
дваждырожденные ¹¹.

Промолвила Савитри:

Уже раньше, о царь, это желание твое зная,
Вопросила я Всемогущего-Прародителя ¹² о сыне для тебя,

И по милости той, Самосушим ¹³ тебе положенной,
Скоро на земле, о друг мой, появится лучезарная дева.

Ничто сверх этого не может быть тебе поведено.
Милостью Самосущего возрадованная, это тебе возвещаю я.

Маркандея промолвил:

«Истинно так», — сказал царь, внимая словам Савитри.
И снова испросил милости, чтоб скоро это свершилось.

Когда Савитри исчезла, пошел повелитель в свой город,
И жил тот муж в своем царстве, охранял,
закон блюдя, подданных.

Но вот прошло время, и царь, сдержавший обет,
Заронил семя в лоно Маляви, добродетельной старшей царицы.

И лоно царицы из рода Ману ¹⁴, о лучший из Бхаратов ¹⁵,
Стало расти с каждым днем, словно месяц, владыка звезд в небе.

И когда срок пришел, родила царица дочь синелотосооковую,
Тот, лучший из царей, радостный, совершил жертвоприношение.

«Возрадованною Савитри данная, богиней, умоленной жертвами,
Пусть будет и она Савитри», — так сказали отец и жрецы
и нарекли ее этим именем.

Воплощенной богинею Шри ¹⁶ возростала царевна.
И со временем эта девушка достигла юности.

Ее, широкобедро-стройную, подобную золотому изваянию,
Увидав, люди думали: «Это небесная явилась дева».

Но ее, лотосооковую, как бы пламенем полыхающую,
Никто не избирал в супруги, пламенем тем отринутый.

И тогда, попостясь, голову умастив, она обратилась к богам,
Принеся в новолуние жертву Агни¹⁷
и жрецам приказав произносить установленное.

Затем, жертвенных цветов остатки собрав,
К доблестному отцу приблизилась, прекрасная, как богиня Шри.
Сперва склонившись к ногам отца и цветы ему передав,
Сотворила затем анджали¹⁸ и с повелителем рядом встала,
прекраснобедрая.

От того, что дочь его, воплощение богини, достигла юности,
А женихи не просят ее, царю стало горестно.

И промолвил Ашвапати:

— Дочь моя! Уже время выдавать тебя замуж,
а никто не приходит ко мне.

Поищи сама себе супруга, равного тебе по достоинствам.

Если назовешь мне того, кого сама пожелаешь,
Поразмыслив, я выдам тебя за него.

Выбери же по своему желанию.

Слышал я, как читали про то в Дхармашастрах¹⁹
дваждырожденные,

Ты же, прекрасная, выслушай от меня слова, так гласящие:

«Порицания достоин отец, дочь замуж не выдающий,
И супруг, жены избегающий, достоин порицания».

Теперь же, выслушав эти слова, поспеши на поиск супруга.
Да так поступи, дабы не был я порицаем богами.

Маркандея промолвил:

Так сказав дочери, царь старейших советников
Сопроводять ее избрал, поторопив их словами: «Идите же».

Царевна, в ноги отцу поклонившись,
стыдливая, словно отшельница,

Внимая слову родительскому, пошла немедля.

Стоя на золотой колеснице, знатными слугами окруженная,
В прекрасные священные леса царей-отшельников она отправилась.

Там, пред почтенными старцами склонясь,
Один за другим обошла она все леса.

Во всех местах омовений священных расточала царевна сокровища,
И так прошла она каждую область,
где жили лучшие из дваждырожденных.

Примечания

¹ Ю д х и ш т х и р а — царь, старший из братьев Пандавов, героев «Махабхараты».

² М у н и — отшельник, здесь — обращение к святому мудрецу Маркандее.

³ Д о ч ь Д р у п а д ы — Драупади, супруга героев Пандавов, последовавшая за ними в лесное изгнание.

- ⁴ От игры в кости... пострадали мы, и Кришна спасла нас, ...затем Джаядратхой была... похищена силой. — Пандавы, проигравшие игру со своими соперниками-кауравами, двоюродными братьями, стали их рабами, но Драупади (Кришна — ж. р. «Смуглая») благодаря полученному ею дару от царя Дхритараштры, отца кауравов, уstraшенного зловещими предзнаменованиями, спасла супругов от рабства (см.: Сабхапарва, гл. 58—63). Джаядратха — царь страны Синдху, противник Пандавов, похитивший Драупади в их отсутствие и сурово наказанный ими (см.: Араньякапарва, гл. 248—256).
- ⁵ Маркандея — риши, святой мудрец-брахман, из ведийского рода Бхригу, силой подвижничества достигший бессмертия; его беседа с Пандавами, включающая и «Повесть о Савитри», занимает существенный объем в «Араньякапарве», третьей книге «Махабхараты» — «Лесной».
- ⁶ Савитри — дочь царя мадров Ашвапати; об истоках эпического образа и его мифо-ритуальных связях см. вводную статью (раздел «Характеристика памятника»).
- ⁷ Мадры — одна из крупных народностей Пенджаба; в силу сложившихся обстоятельств — царь мадров Шалья выступает полководцем кауравов в битве на Курукшетре. Мадры сражаются на стороне соперников Пандавов, что, по-видимому, объясняет противоречивость их характеристик в эпосе.
- ⁸ Браhmачарин — в соответствии с сословно-возрастным делением жизни древнего индийца на четыре периода (ашрамы), ученик брахмана, живущий в доме наставника на правах его сына, изучающий под его началом Веды и соблюдающий обеты, главный из которых — обет безбрачия, браhmачарья, давший название первой ашраме. В общем смысле браhmачарин означает «целомудренный».
- ⁹ Савитри — богиня, дочь Солнца-Савитара и супруга Брахмы, считается матерью священных Вед, олицетворяет собой ведийскую мантру Гаятри, и по сей день используется в ритуале.
- ¹⁰ Зримое обличье приняв, она... явилась... — Богоявление, сопровождаемое одариванием адепта за совершение жертвоприношений и суровое подвижничество (см. в тексте далее), относится к числу общих мест индийского эпоса, воскрешая представления о древнем ритуальном комплексе обмена дарами (в Ведах и эпосе — между двумя «фратриями» космического социума: людьми и богами). Примечательна в данном случае связь богини Савитри с идеей плодородия (импульс к действиям царя — его бездетность). Ср. далее — третий и четвертый дары бога смерти Ямы, данные царевне Савитри и позволяющие ей обрести многочисленных братьев и сыновей.
- ¹¹ Дважды рожденные — браhmаны или кшатрии, прошедшие обряд посвящения (упанаяна), который считался вторым рождением неофита.
- ¹² Прародитель — Брахма, один из трех великих богов эпоса, наделенный функцией творения; воплощение высшего Абсолюта.
- ¹³ Самосущий — Брахма.
- ¹⁴ Род Ману — люди, человечество. Ману — сын Солнца (Вивасвана), первый из живущих, считается прародителем человечества.
- ¹⁵ Бхараты — потомки царя Бхараты, общего предка эпических персонажей и в том числе Пандавов и кауравов.
- ¹⁶ Шри — богиня, персонифицирующая процветание, красоту; издревле ассоциируется с царем богов Индрой, а впоследствии идентифицируется с Лакшми, супругой Вишну.
- ¹⁷ Агни — древнее божество, связанное с почитанием огня; в качестве жертвенного огня предстает посредником между людьми и богами: приводит последних на место жертвоприношения или сам доставляет им жертву.
- ¹⁸ Анджали — традиционный, сохранившийся и по сей день приветственный жест — поднесение к груди или ко лбу сложенных ладоней.
- ¹⁹ Дхармашастры — социо-нормативные трактаты, формулирующие основные социальные установки общества и его морально-этические законы.

II

Маркандея промолвил:

Царь, повелитель мадров, с Нарадой¹ встреться,
Сидел в чертогах, беседа с ним, о потомок Бхараты!

Между тем, обойдя все обители и места омовений священных,
Вернулась и вошла к отцу в сопровождении слуг Савитри.

Отца, сидящего с Нарадой, увидя, она, прекрасная,
Преклоненье головы к ногам обоих свершила.

Промолвил Нарада:

Куда ходила эта дочь твоя и откуда пришла она, о царь?
И почему эту девушку не отдаешь супругу?

Ашвапати промолвил:

Именно по этому делу послана была она и сегодня вернулась.
От нее и выслушай, о божественный мудрец²,
кто ею избран в супруги.

Маркандея промолвил:

«Пусть расскажет пространно!» — Так красавица,
отцом побуждаема,
Слова такие услышав, тотчас им поведала,

Так Савитри молвила:

Был у шальвов³ властителем праведный кшатрий⁴,
Дьюматсена по имени, после слепым он стал.

У него, мудрого, но зрения лишенного, имевшего сына-малютку,
Враг давнишний, сосед его,
изъяном царя воспользовавшись, царство похитил.

Вместе с супругой и крошкой-сыном царь удалился в лес.
Поселившись в большом лесу, обет приняв великий,
он предался покаянию.

Сын его, рожденный в городе, вырос в священном лесу.
Имя ему Сатьяван, его избрала я сердцем в супруги.

Промолвил Нарада:

О горе! Великий грех совершила Савитри, о повелитель,
Ибо по неведению своему достойного Сатьявана избрала в супруги.

Истину молвит отец его, истину говорит мать,
Оттого и дали брахманы⁵ имя ему — Сатьяван.

С детства лошади любы ему, и он делал из глины коней
И любил коней рисовать. Вот и прозвали его Читрашва.

Царь промолвил:

А каков теперь тот царевич, этот нежный сын Сатьяван?
Умен ли, блистателен ли? Храбр ли он, терпелив ли?

Промолвил Нарада:

Он блистателен, как Вивасван⁶, по уму Брихаспати⁷ равен,
Как великий Индра⁸ мужествен, как земля, исполнен терпения.

Ашвапати промолвил:

А щедр ли, благочестив ли тот царский сын Сатьяван?
И красив ли, благороден ли, или хотя б привлекателен?

Нарада промолвил:

Силой и щедростью он равен сыну Санкрити, Рангидеве⁹,
Благочестием и правдивостью — Ушинары сыну, Шиби¹⁰,
Благороден и привлекателен, словно Яяти¹¹.
Красотой превосходит Ашвинов¹² Дьюматсены могучий сын.
Он кроткий и мягкий, он смелый и верный, обуздавший соблазны,
Дружелюбный, безропотный, стыдливый и стойкий.
Всегда прямой, постоянство его неизменно —
В один голос говорят о нем и старцы-подвижники,
и добродетельные мужи.

Ашвапати промолвил:

Ты рассказал мне, о бхагаван¹³, о нем,
всеми достоинствами одаренном,
А теперь поведай о пороках его, если есть какие-либо.

Промолвил Нарада:

Только один порок есть у него, но он превышает все достоинства,
И тот порок не устранить никакими усилиями.
Один порок есть у него, нет другого: отныне
Жизненный дух Сатьявана, все истощаясь, через год покинет тело.

Царь промолвил:

Иди, Савитри, ступай, иного избери себе супруга, красавица.
Большой порок у Сатьявана, он один превышает все достоинства.
Как поведал мне бхагаван Нарада, богам угодный,
Через год, все умаляясь, его жизненный дух покинет тело.

Промолвила Савитри:

Единожды выпадает доля, единожды выдают девушку,
Единожды говорят: «Пусть отдам я!» —
из этих трех единожды бывает каждое.

Долог век его или недолог, достоин он или недостойн,
Единожды избран супруг мною, другого не изберу я.

Сердцем создается решение, словом затем высказывается,
Деянием подтверждается после, мера деяния моего — сердце.

Нарада промолвил:

Стойкий разум у Савитри, твоей дочери, о лучший из мужей,
Не удержать ее нам от этой дхармы¹⁴.

Да и ни один человек не имеет тех достоинств,
какие есть у Сатьявана.

Поэтому я одобряю замужество твоей дочери.

Промолвил царь:

Истинная сказана правда тобою,
Именно так поступлю я, ибо ты, бхагаван, мой гуру¹⁵.

Нарада промолвил:

Да не будет препятствий замужеству дочери твоей Савитри.
Теперь отправляюсь я в путь. Да будет вам всем благо.

Маркандея промолвил:

Так сказав, Нарада воспарил, удаляясь на третье небо¹⁶.
Царь же приказал готовиться к свадьбе дочери.

Примечания

- ¹ Нарада — святой мудрец-риши, известный из Вед, в эпосе — посланец богов, связующий их с людьми.
- ² Божественный мудрец — представитель высшего разряда риши, святых мудрецов, создателей Вед, посредников между людьми и богами (остальные разряды — брахманы-мудрецы и цари-мудрецы).
- ³ Шальвы — народность, жившая на территории совр. Раджастан, союзная другим народностям Синда и Пенджаба.
- ⁴ Кшатрий — член воинского сословия, второго (после брахманов) по значимости в древнеиндийском обществе, тем более что в большинстве своем (как в данном случае) цари были из кшатриев.
- ⁵ Брахманы — члены высшего жреческого сословия древнеиндийского общества, которым принадлежала важная функция отправления всевозможных обрядов и ритуалов (здесь — наречения имени новорожденному).
- ⁶ Вивасван — одно из ведийских божеств Солнца, слившееся впоследствии с Сурьей-Солнцем и передавшее ему свое имя.
- ⁷ Брихаспати — ведийский наставник Индры, царя богов, регент планеты Юпитер; считается одним из создателей (второй — Шукра Ушанас) науки об общественном устройстве, государственном управлении и политике (нити).
- ⁸ Великий Индра — Махендра, именование крупнейшего божества Вед, предводителя богов в битвах с демонами. В эпосе Индра, уступая по значению «великим богам» (Вишну, Шиве и Брахме), являет собой, как царь богов, идеал правителя (сохраняя, однако, роль подателя дождя).
- ⁹ Сын Санкрити, Рантидева — царь, прославившийся многочисленными жертвоприношениями коров, сопровождаемыми обильным одариванием брахманов, благодаря чему он обрел особые религиозные заслуги.
- ¹⁰ Шибхи, сын Ушинары — царь, известный по ряду эпических сюжетов как образец беспредельной щедрости (см., в частности: Араньякапарва, гл. 130—131).
- ¹¹ Яяти — царь Лунной династии, предок эпических героев и их противников, удостоенный за свою праведность пребывания на небесах (которое, однако, оказалось для него не вечным).
- ¹² Ашвины — близнецы пара ведийских божеств, известных в эпосе своей красотой и молодостью, а также искусством врачевания.
- ¹³ Бхагаван — вне виншутско-кришнаитских контекстов эпоса (как здесь) — вежливое обращение к собеседнику: «о достойный», «почтенный» и т. п.
- ¹⁴ Дхарма — в индуизме — универсальный надличностный закон, определяющий жизнь индивида и общества, каждое ее проявление.

¹⁵ Г у р у — наставник, в роли которого в «Махабхарате» выступают обычно риши — святые мудрецы, появляющиеся перед героями-царями в самые ответственные для тех (часто — трудные) моменты.

¹⁶ Т р е т ь е н е б о — небо Индры, иногда обобщенно (как здесь) — небо, куда удаляются эпические мудрецы-риши, странствующие между небом и землей после выполнения своей миссии небесных посланцев.

III

М а р к а н д е я п р о м о л в и л :

Задумав выдать дочь свою, распорядился царь заготовить
свадебную утварь.

И затем, старейших брахманов, всех ритвиджей ¹
и своих пурохитов ² созвав,

В освященный день поехал с дочерью,
Направляясь в священный лес к обители Дьюматсены.

Спешившись, царь вместе с брахманами приблизился
к тому царю-отшельнику.

Там, под деревом шала ³, он увидел того,
чья участь была великой, —

Незрячего царя, что сидел на подушке из стеблей куша ⁴.

Ашвапати оказал почести царю-отшельнику по достоинству
И в смиренных словах известил о себе.

Зная свой долг и предложив гостю аргхья, сиденье и корову ⁵,
Царь царя спросил: «Что привело тебя сюда?»

На Сатьявана указав, намерения свои и как должно их выполнить
Поведал Ашвапати, так он промолвил:

«О царь-отшельник! Эта красавица по имени Савитри — моя дочь.
Прими ее от меня в невестки по закону твоему,
о ты, закон знающий!»

Д ь ю м а т с е н а п р о м о л в и л :

Будучи царства лишены, найдя в лесу приют, мы,
отшельники смиренные, стремимся к благу.

Как твоя дочь будет жить в обители?

Не подобает ей трудная жизнь в лесу.

П р о м о л в и л А ш в а п а т и :

Как понимает дочь моя, а также и я, и счастьем,
И несчастьем свойственно быть и не быть.

Не пристало такому человеку, как я, получить подобный ответ.
Я пришел к тебе, о царь, с твердым решением.

Не убивай мою надежду, ибо я всем сердцем почитаю тебя
И любовью сюда приведен, не пытайся же мне отказать.

Ибо достойны соединения мы — ты со мною, а я с тобою.
Прими же дочь мою как свою невестку
в супруги достойного Сатьявана.

Дьюматсена промолвил:

Уже давно хотелось мне породниться с тобою.
«Но я царства лишен» — так я думал, отсюда мои раздумья.
Уже давно желанным мне было твое намерение,
Да исполнится сегодня оно, ибо гость ты мой желанный.

Маркандея промолвил:

Затем, созвав всех брахманов, живущих в обители,
Оба царя устроили свадьбу, как предписано.
Ашвапати, дав приданое дочери по ее достоинству,
Вернулся в чертог свой, преисполненный радости высшей.

Сатьяван же, получив супругу,
наделенную всеми достоинствами, радовался.

Довольна была и она, получив супруга по желанию сердца.
Когда отец ушел, она, сняв уборы,
власяницу и темные одежды надела.

Своими достоинствами, услугами, скромностью, самообладанием,
Исполнением всех просьб — радость всем доставляла.

Свекрови — о теле заботами, начиная с одежды,
Свекру — почитанием богов и речами скромными.

А приветливостью, искусностью, кротким нравом
И ублажением наедине радовала своего супруга.

И так, о потомок Бхараты, прошло для живущих в обители
И покаянию преданных праведников какое-то время.

А в мыслях Савитри, денно и ночью томившейся,
Все оставались слова, что произнес Нарада.

Примечания

¹ Ритвидж — жрец ведийского жертвоприношения.

² Пурохита — родовой царский жрец.

³ Шала — совр. сал, *Vatika robusta*, или *Shorea robusta*, тиковое дерево.

⁴ Куша — иное название — дарбха, *Poa synosuroides*, или *Cynodon dactylon*, священная трава с длинными игольчатыми стеблями, использовавшаяся в брахманских ритуалах.

⁵ ...предложив гостю аргхья, сиденье и корову — согласно правилам приема почетного гостя, разработанным в древней Индии, обычный набор подношений ему должен включать пять компонентов: 1) травяная подстилка для сидения; 2) вода для омовения ног; 3) вода для прихлебывания; 4) почетный напиток аргхья и 5) медовая смесь.

IV

Маркандея промолвил:

И вот миновал долгий срок, подошло то время, о повелитель,
Когда должно было умереть Сатьявану.

Как день уходит за днем, считала Савитри,
Ибо были в ее сердце слова, что Нарада произнес, постоянно.

«Должен умереть на четвертый день» —
с такую думой прекрасная

Во исполнение обета трехнощного и день и ночь стояла.

О том обете прослышав, весьма огорченный царь
Поднялся, увещевая Савитри, такие слова сказал,

Так Дьюматсена молвил:

— Суровое подвизание начато тобою, царевна!
Слишком ведь тяжело три ночи подряд так выстоять!

Промолвила Савитри:

Не печалься, родимый! Выдержу я обет,
Ибо решение принято, а решению тому есть причина.

Дьюматсена промолвил:

Никак не могу сказать: «Прерви обет!»
Слово «выдержи» должен здесь произнести я.

Маркандея промолвил:

Так сказав, умолк Дьюматсена мудрый.

И в деревянный столп обращенной неподвижная мнилась Савитри.

Ночь накануне смерти супруга, о лучший из Бхаратов,
Протекла для Савитри в скорби и в стоянии.

«Вот день — сегодня...» — с такую думою жертву
Пожирателю жертв¹ пылающему она приносила.

А когда солнце встало на небосклоне, утренний обряд —
паурвахника — она совершила.

Затем, преклонившись перед свекром и свекровью поочередно,

Перед всеми старейшими брахманами покорно встала.

Все отшельники, благие и добрые, что жили в священном лесу,

Благословили Савитри, заклятье против вдовства промолвили.

«Да исполнится это», — думала Савитри, всем сердцем слова
отшельников воспринимая.

Но вспомнила речи Нарады, то мгновенье представила,
И горькой печали исполнилася царевна.

И ей, одиноко стоящей, о лучший из Бхаратов,
Свекор и свекровь сказали ласково:

«Ведь установленный тобой обет закончился,
Пора уж и пищи вкусить, сделай это незамедлительно».

Промолвила Савитри:

Когда солнце зайдет и желание мое сбудется,
смогу я принять пищу.
В моем сердце желание это, и срок установлен мною.
Когда Савитри о принятии пищи так ответила,
Взяв топор на плечо, в лес направился Сатьяван.

Но сказала супругу Савитри:

Одному тебе идти не следует,
Я решила не оставлять тебя, пойдем вместе.

Сатьяван промолвил:

Если решила идти, исполню твое желание.
Но ты с родителями моими посоветуйся,
дабы не коснулась меня вина.

Маркандея промолвил:

Перед свекром и свекровью преклонясь,
сказала великий обет принявшая:
«Вот супруг мой, приносящий плоды, идет в большой лес.
Я б хотела с дозволения почтеннейшей и свекра
Пойти с ним вместе, невыносима разлука мне.
Ваш сын идет — приготовить жертвы для учителя.
Не всегда его должно удерживать; можно удержать,
когда идет в лес с иною целью.

Почти год не выходила я из обители.
Увидеть лес в цвету великая мне охота».

Промолвил Дьюматсена:

С тех пор как отцом дана мне в невестки Савитри,
Не припомню просьбы, высказанной ею когда-либо раньше.
Пусть получит просимое эта женщина.
Заботлив да будет Сатьяван, о дочь моя, в пути.
С дозволения обоих, она, победившая,
Вместе с супругом, как бы смеясь, пошла,
а сердце было палимо горем.

Леса расцвеченные, всеусладительные, множество павлинов
привлекающие,

Созерцала широко открытым взором Савитри.

Сатьяван сказал ей сладостно:

«Ты взгляни на реки светлоструйные,
На цветущие дерев вершины».

Но она, безупречная, глядела на него и вспоминала слова Нарады.
И мнился ей Сатьяван уже мертвым.

Супруга сопровождая, шла она мягкой поступью,
А сердце разрывалось в ожидании срока.

Примечание

¹ Пожиратель жертв — Агни, жертвенный огонь, уста, вкушающие жертву, чтобы принести ее богам.

V

Маркандея промолвил:

Так, в сопровождении супруги, тот герой, плоды все собрав,
Сосуд ими наполнив, стал рубить дерево.

Когда рубил он дерево, выступил у него пот
И от усилий родилась головная боль.

Он, трудом измученный, к супруге милой обратясь, сказал,

Так Сатьяван промолвил:

От этих усилий разболелась у меня голова.

Все члены тела и сердце, Савитри, словно пылают.

Неможется, видно, мне, о моя молчаливая,
Кажется, словно дротиками пронзена голова.

Так хочется спать, о прекрасная, нет сил стоять мне.

Приблизилась, подошла к супругу Савитри,
Опустившись на землю, голову его положила к себе на колени.

Над словами Нарады размышляя, поняла горемычная:
Вот день тот, тот час, та минута, то мгновение...

И видит вдруг: стоит около Сатьявана, на него глядя,
Муж огромный, светозарный, как солнце,

венценосец в багряных одеждах,

Сумрачно-бледный, багровоокий, с петлею в руке, зловещий.

Увидя его, сразу встала Савитри, и,

бережно голову супруга опустив,

Сотворила анджали, и сказала, скорбная, с трепетом в сердце:

«Узнаю в тебе божество, ибо облик твой сверхчеловеческий,
Ответь милостиво, о владыка, кто ты и что хочешь делать?»

Промолвил Яма¹:

Ты — верная супруга, Савитри, и покаянным жаром исполнена,
Потому говорю с тобою, узнай же, прекрасная, бога Яму.

Этот царевич, чей жизненный дух иссяк, твой супруг Сатьяван.
Его связав, я уведу его, узнай же — это хочу я сделать.

Промолвила Савитри:

По слухам, о бхагаван, твои вестники приходят,
дабы увести людей,
Почему же ты сам пришел, о владыка?

Маркандея промолвил:

Поведал ей бхагаван, царь усопших, свое намерение,
Желая приятное ей сделать, все, как есть,
он ей начал рассказывать.

Промолвил Яма:

Сатьяван — это океан достоинств, он прекрасен
и сочетался с добродетелями.
Не подобает, чтобы вели его мои люди, потому сам пришел я.
Затем Яма из тела Сатьявана подвластного ему человечка,
Размером с большой палец², петлей его опутав, с силой выдернул.
И лишенное жизни, бездыханное, потускневшее,
Неприятно стало на вид неподвижное тело.
А Яма, связав его так, направился к югу³.
Горем охвачена, последовала за Ямой Савитри,
Та, чья участь была великой, преданная супружескому долгу,
Совершенная в исполнении обета.

Яма промолвил⁴:

Ступай, вернись, Савитри! Соверши погребальный обряд,
и ты свободна от обязанностей и от супруга.
Сколько должно пройти — тобою пройдено.

Промолвила Савитри:

Куда ведут моего супруга или куда сам он следует,
Туда должно и мне идти — вот мой долг постоянный.
Не преграждай мне путь, во имя моего обета и любви к супругу,
Преданности наставникам, смирению и по твоей милости.
«Семью шагами скреплен брачный союз», — так говорят мудрецы,
Постигшие смысл бытия, об этом содружестве.
Выслушай, нечто хочу я сказать тебе.
В лесу живут те, кто обуздал себя.
Они говорят о долге по праву обретших знание.
Один из святых познал долг — и остальные идут его стезями.
Это долга путь. Ни другого, ни третьего пути да не возжелают.
Вот и молвят праведные, что долг — самое главное.

Я ма промолвил:

Вернись, мне нравится твоя речь, хорошо сложенная —
и по звучанию, и по словам, и по доводам.
Избери себе дар, кроме жизни супруга, о безупречная, любым
даром я наделю тебя.

Промолвила Савитри:

Лишенный царства, ослепший, нашел приют в лесу,
в обители, мой свекор.
По милости твоей да получит он зрение и могучим государем
станет, словно солнце блистающим.

Я ма промолвил:

Дам тебе этот дар, о безупречная, да будет так, как поведала.
Ты кажешься утомленной от пути, ступай, вернись,
да исчезнет твоя усталость.

Промолвила Савитри:

Откуда же возьмется усталость вблизи супруга,
ибо там, где супруг, там и мой постоянный путь.
Куда супруга уводишь, там и мой путь будет, о владыка богов⁵.

Выслушай слова мои:

Даже одно пожелание встречи с праведными считают
возвышенным,
Ибо возвышенна дружба.

Не бесплодна встреча с праведным мужем,
Потому должно жить в общении с праведными.

Я ма промолвил:

По душе мне твои слова, справедливы они,
и мудрость мудрых они умножают.
Второй дар избери, о достойная, но не жизнь Сатьявана.

Промолвила Савитри:

Некогда похищенное царство моего мудрого свекра
да будет им вновь получено,
Да не отступит он от своего долга, этот второй дар я избираю.

Я ма промолвил:

Свое царство получит скоро и не отступит от долга царь,
Ибо свершится воля моя, ступай, вернись, царевна,
да исчезнет твоя усталость.

Промолвила Савитри:

Все существа смиренно тебе покоряются, всех укрощая,
по воле своей ты уводишь.
Известен ты, господин, как Усмиритель⁶,
внимай же словам моим, так гласящим:

Незлобивость ко всем существам помышлением, делом и словом,
Милость и щедрость — долг неизменный всех благодетельных.

Таков этот мир: различна сила любви у людей,
Но истинно благодетельны те, кто даже врагам милосердие окажет.

Я ма промолвил:

Как питье для жаждущего, будет слово, тобою сказанное.
Какой хочешь дар избери, о прекрасная,
только не жизнь Сатьявана.

Промолвила Савитри:

Не имеет потомства царь — отец мой, да будет он родителем
ста сыновей собственной крови,
Да будут они продолжением рода — этот третий дар я избираю.

Я ма промолвил:

Да будет у отца твоего, о прекрасная, сто сыновей,
блестящих длителей рода.
Вернись, о царевна, ибо исполнится твое желание,
ты же прошла долгий путь.

Промолвила Савитри:

Не долог он для меня близ супруга, мысль моя бежит еще дальше.
Пока следуешь, выслушай то, что я начала говорить.

Ты, полный величия сын Вивасвана,
мудрецами зовешься ты Вайвасвата⁷.
Единым законам следуют все существа, потому, о господин,
ты зовешься царем закона⁸.

К себе не бывает того доверия, что к праведным.
Вот почему все ищут любви у праведных.

От дружелюбия всех существ рождается доверие.
Потому у человека доверие к доброте особое.

Я ма промолвил:

Таких слов, как эти, о прекрасная женщина, ни от кого,
кроме как от тебя, я не слышал.
Я доволен ими. Четвертый дар избери,
но не жизнь Сатьявана, и ступай.

Промолвила Савитри:

Пусть будет у меня от Сатьявана сто сыновей его крови,
Полных силы и мужества, продолжателей рода.
Этот четвертый дар я избираю.

Я ма промолвил:

Будет сто сыновей, полных силы и мужества,
на радость тебе, о женщина.
Не утомляйся, царевна, вернись, долгий путь ты прошла.

Промолвила Савитри:

У праведных всегда неизменно стремление к долгу,
не отчаиваются и не колеблются праведные.

Единение праведных не бесплодно,
праведные не боятся праведных.

Истиной праведных солнце движется,
благочестием праведных земля держится,
Праведные — прибежище бывшего и грядущего, царь,
среди праведных не пропадают праведные.

Отрадны подобные деяния ариям⁹, неизменно то зная, праведные,
Других исполняя цели, не ждут воздаяния.

Благоволение у праведных не бывает напрасным,
не пропадает ни дело их, ни достоинство.

У праведных всегда неизменно оно, потому праведные —
истинные защитники.

Яма промолвил:

Всякий раз, когда произносишь свое справедливое,
для души отрадное, мыслью глубокое слово,

Все более возрастает мое преклонение перед тобою.

Избираешь ты дар несравненный, о ты,
преданная обету супружества.

Промолвила Савитри:

Заключение речи твоей не лишает меня надежды,
как то было при прежних дарах.

Дар избираю я: да оживет Сатьяван,
ибо как мертвая я без супруга.

Без него не хочу я блаженства, без него не хочу я неба,

Без него не хочу я счастья, утратив супруга, я не останусь жить.

Ты обещал мне сто сыновей, а сам уводишь супруга.

Дар избираю я: да оживет Сатьяван, и слово мое станет истиной.

Маркандея промолвил:

«Да будет так», — произнес Яма Вайвасвата,
царь правосудия¹⁰, отпуская петлю.

И, духом возрадованный, так сказал он Савитри:

«Милая, отпущен супруг твой, о ты, радость семьи!

Его уведешь ты здоровым, и он будет преуспевать.

Четырехсотлетнего возраста достигнете вы оба,

Вознося жертвы, своей добродетелью стяжает он славу в мире.

С тобою родит Сатьяван сто сыновей,

И будут твои сыновья и внуки царями и воинами.

И будут носить они твое имя и прославляться.

И у отца твоего с матерью Малави сто сыновей будет,

Малавами всегда именуемые,
и у всех у них будут сыновья и внуки.
Братья твои станут подобны богам».

Так ее одарив, величавый Царь Справедливости¹¹,
Приказав Савитри возвращаться, ушел в свои владения.

А Савитри, обретя вновь супруга, пошла после ухода Ямы
Туда, где лежало мертвое тело Сатьявана.

Увидя супруга на земле, она приблизилась, и, опустившись,
Обхватила его, и подняла его голову себе на колени.

В сознание придя, словно прибыв издалека,
обратился он к Савитри,
Снова и снова с любовью подымая к ней взоры,

Так Сатьяван промолвил:

О как долго я спал, почему не разбудила меня?
И где тот мрачный муж, что хотел меня увести?

Промолвила Савитри:

Тот, кто приходил, он ушел, то Яма, великий бог,
усмиритель всех.

Ты выспался, отдохнул, о царевич, обладатель великой доли.
Встань, если можешь, смотри: уже ночь глубокая.

Маркандея промолвил:

В сознание придя, как бы встав после блаженного сна,
Во все стороны леса вглядываясь,

Сказал Сатьяван:

Я есмь приносящий плоды, вместе с тобою я вышел, о стройная!
У меня, когда рубил я дерево, появилась боль в голове.

Головную болью мучимый, я не мог долго стоять
И на коленях твоих заснул — все это помню, прекрасная!

Когда был я в твоих объятьях, сон унес мою душу.
Видел я ужасную тьму и мужа могучего.

Если ты знаешь, что это, скажи мне, о стройная,
Сон ли мне виделся или было то явью?

Промолвила Савитри:

Ночь углубляется. Завтра поведаю все, как было, тебе, о царевич!
Вставай же, вставай, прошу тебя,
о родителях вспомни, столь преданных!

Ночь глубока, ушло светило дневное,
А в ночи шакалы бродячие разъяренные рыскают,
клики злобные испускают.

Слышен в лесу шум листвы от приближения хищников,
Со страшным воем они, обратясь в темноту, потрясают мне душу.

С а т ь я в а н   п р о м о л в и л :

В зловещем лесу, охваченном ужасною тьмою,
Ты не найдешь тропы, не сможешь передвигаться.

П р о м о л в и л а   С а в и т р и :

В лесу, ныне горящем, дерево сухое стоит, пылая,
Раздуваемый ветром то здесь, то там виден огонь.

Принесу тот огонь и лежащие здесь остатки древ зажгу,
оставь же свою печаль.

Я вижу, ты болен, сам не можешь идти,
не узнаешь дорогу в лесу, полном тьмы.

Завтра утром, когда просветлеет в лесу, мы пойдем,
коли будет на то твое согласие.

Заночуем же здесь, если угодно тебе, о безупречный.

С а т ь я в а н   п р о м о л в и л :

Боль в голове прошла, мне кажется, я здоров.
Хочу к отцу и матери, будь благосклонна.

Никогда прежде не возвращался я столь поздно в обитель.
Мать не пускает из дома меня, лишь начинает темнеть.

Даже днем, когда родители мои тоскуют,
Ищет меня отец со всеми живущими в обители.

Часто встречали меня упреками отец и мать огорченные:
«Поздно приходишь домой!»

Я думаю, как беспокойно из-за меня им ныне!
Как велико будет горе их, если я не вернусь!

И прежде не раз говорили мне старики с нежностью,
горюя и плача:

«Тобою покинутые, даже мгновения не проживем мы, сыночек!

Наша жизнь лишь до тех пор продлится, пока ты будешь жив.
Двух стариков слепых ты — око, поддержка, хлеб поминальный,
и слава, и продолжение нашего рода».

Мать стара, стар и отец, конечно же, я их опора.
Меня не увидя ночью, как всполошатся они!

Я негодую на этот сон, что причиною стал того, что отец мой
И мать, ни в чем не повинные, из-за меня охвачены страхом.

Да и сам я испуган, сам я в большой беде:
Ведь без матери и отца жить я не в силах.

Отец мой, чьим оком стал разум, ныне, смущенный мыслями,
В этот миг, конечно, вопрошает всех живущих в обители.

Не о себе скорблю я, красавица, я скорблю об отце моем,
О матери слабосильной, за супругом своим ступающей.

Ныне постигнут они из-за меня великое горе,
Живы лишь тем, что живу я, только я их поддержка,
Им я должен служить — ведомо мне и это.

Маркандея промолвил:

Так сказав, этот праведник, верный и любящий сын,
Скорбью объятый, руки воздев, начал громко рыдать.

В муках скорби увидя супруга, преданная Савитри,
Слезы его вытирая, промолвила:

«Если истинны мои обеты, если истинны мои деяния,
если истинны мои жертвы,
Пусть пройдет эта ночь спокойно для супруга и для его родителей.
Не припомню, чтобы когда-либо слова лжи,
пусть и дозволенной, произнесла я.
Этою правдою да будут ныне мой свекор и свекровь поддержаны¹²».

Сатьяван промолвил:

Я хочу видеть родителей, иди, Савитри, немедля,
Коль скоро увижу я горе отца или матери,
Не переживу я, истинно покончу с собой, о прекраснобедрая.
Если хочешь, чтоб жил я, и хочешь доставить мне радость,
Отправляйся сейчас же в обитель.

Маркандея промолвил:

Тотчас встала Савитри, подвязала, прекрасная, свои волосы,
И, обхватив супруга, помогла подняться ему.

Сатьяван же, стоя, растер тело ладонями
И, оглянувшись в радости, бросил взгляд на сосуд.

Тогда сказала ему Савитри: плоды принесешь завтра.
Я же топор твой возьму для безопасности.

Тяжелый сосуд на ветку дерева подвесила,
Топор взяла, к супругу приблизилась
и себе на левое плечо руку его положила.

Правой рукою его обняла, прекраснобедрая,
И двинулась величавой, как у слонихи, походкой¹³.

Сатьяван промолвил:

Мне тропинка известна, часто по ней я хаживал, о боязливая,
При лунном свете видна она, при свете,
что сквозь деревья пробивается.

Мы идем той дорогой, где собирали плоды,
Дорогою той, что пришли, иди же немедля, прекрасная.

Здесь, под купой деревьев палаша¹⁴ тропа двоится.
По той, что к северу, ступай, и поспешим.

Я хорошо себя чувствую, полон сил
и стремлюсь увидеть родителей.
Так говорил Сатьяван, к обители поспешно двигаясь.

Примечания

- ¹ Яма — бог смерти, в описании внешнего облика которого прослеживается негативная символика красного цвета (ср. ранее в тексте: «Муж... как солнце... в багряных одеждах, багровоокий...»).
- ² ...человечка, размером с большой палец — представление о душе как об антропоморфном существе внутри человеческого тела впервые встречается в упанишадах, религиозно-философских текстах древней Индии.
- ³ ...Яма... направился к югу — местопребывание эпического бога смерти, его царства, на пространственной вертикали космоса ассоциируется с низом, югом, хранителем (локапалой) которого и является Яма (тогда как в Ведах он — царь, пребывающий на небесах).
- ⁴ Этой репликой Ямы открывается агонистический диалог Савитри с богом смерти, ставка в котором — не просто судьба Сатьявана, но и обретение благодаря мужскому потомству высшей участи для обоих царских родов — и Савитри, и ее супруга: бездетному, даже если это праведник, не суждено достичь неба. Так прорисовывается общий мифо-ритуальный фон событий «Повести», связанный с идеей плодородия-жизни.
- ⁵ ...о владыка богов. — Хотя положение Ямы в эпическом пантеоне не соответствует указанному, подобные возвеличительные характеристики богов в контексте их умилоствления вполне уместны.
- ⁶ Известен ты... как Усмиритель — эпическая этимология, выводит значение имени Яма из его функции (уам — «править», «усмирять»); согласно же древнему мифу, Яма-«близнец» вместе со своей сестрой Ями ответствен за появление людей.
- ⁷ Вайвасвата — то же: сын Вивасвана-Солнца, именование бога смерти Ямы, а также первочеловека Ману; наличие общего отца у первого из умерших (Яма) и первого из живущих (Ману) — свидетельство амбивалентности мифологического восприятия Солнца.
- ⁸ Царь закона — Дхармараджа, имя-эпитет Ямы в его древней функции — бога-судии.
- ⁹ Арии — здесь — «благородные», «достойные», «праведники».
- ¹⁰ Царь правосудия — см. выше, примеч. 8.
- ¹¹ Царь Справедливости — см. там же.
- ¹² Эти слова Савитри — образец магического «защита истиной»: если заявление человека о своих (или чужих) качествах или действиях истинно, то его желание должно исполниться.
- ¹³ ...величавой, как у слониhi, походкой. — Таким сравнением подчеркивается не только величавость, но и плавность, изящество женской походки (налицо несходство в данном случае индийских эстетических критериев с европейскими).
- ¹⁴ Палаша — дерево *Butea monosperma*.

VI

Маркандея промолвил:

В это время Дьюматсена могучий, зрение обретя,
Ясным взором все обозревал.

Он, лучший из лучших, обители все обойдя, вместе с Шайбьей,
супругой своей,

Сына нигде не найдя, пришел в отчаяние.

Из обители оба супруга в ту ночь на поиски
Отправились через реки, леса и озера.

В тревоге о сыне, услыша какой-либо шум,
подняв головы, говорили:

«То идет Сатьяван вместе с Савитри».

Бежали они, как безумные, иссечены были ноги их тростниками,
Кровью покрыты, изранены, шипами куша исколоты.

Жрецы и все жители обителей быстро нагнали их,
Успокаивая, привели к жилищу обратно.

Там старцы-отшельники стали утешать Дьюматсену и супругу его
Сказаньями разными о древних правителях.

Но так утешаемые старики, чье желание сына увидеть
Вызывало воспоминание о поступках детских его,
все сильнее горевали.

И, терзаемые скорбью, издавая жалобные возгласы, они рыдали:
«О сын! О праведная женщина! Где вы? Где вы?»

Брахман Суварчас промолвил:

Истинно, супруга его Савитри смирением, и благочестием,
И покаянным жаром исполнена, и потому — жив Сатьяван !!

Гаутама промолвил:

Изучены мною веды с ангами² и великий жар покаяний накоплен.
Брахмачарин³ я с юного возраста, и наставникам, и Агни угоден.

Все обеты мною со тщанием соблюдались.
Я постился, питаюсь воздухом, как установлено.

И горением духа постигаю я, что может свершиться.
Узнайте же истину: жив Сатьяван!

Промолвил послушник:

Как слово, исходящее из уст моего наставника,
Никогда не может быть ложно, так истинно жив Сатьяван!

Промолвили отшельники:

Как истинно счастливые приметы у супруги его Савитри
Не быть вдовою, так истинно жив Сатьяван!

Бхарадваджа промолвил:

Как истинно супруга его Савитри исполнена
Смирением, и благочестием, и покаянным жаром,
так истинно жив Сатьяван!

Промолвил Дальбхья:

Как истинно зрение твое вернулось,
как истинно обет Савитри исполнен,
Ибо, пищи не приняв, ушла она, так истинно жив Сатьяван!

А п а с т а м б а промолвил:

Как истинно, что при угасании стран света⁴
птицы и звери поднимают голос,
Как истинно превосходство твое царское,
так истинно жив Сатьяван!

Промолвил Д х а у м ь я:

Как истинны приметы долголетия и все достоинства у сына твоего,
Любимца людей, так истинно жив Сатьяван!

М а р к а н д е я промолвил:

Так утешенный теми отшельниками, слова и смысл
Всех речей их обдумав, стал Дьюматсена спокойнее.

И в это мгновение Савитри вместе с супругом своим Сатьяваном
Радостная пришла, ночью вошла в обитель.

Промолвили б р а х м а н ы:

Видя тебя в соединении с сыном, прозревшего,
Все мы молим о счастья твоем, о царь!

Соединением с сыном, появлением Савитри,
возвращением зрения —

Этими дарами тремя уже осчастливлен ты, царь.

Все говорим мы: «Коли так, то, без сомнения,
Благоденствие твое будет все более и более множиться».

М а р к а н д е я промолвил:

И все дваждырожденные, возжигая огонь,
Воздали честь Дьюматсене, великому государю.

Затем Шайбья, Сатьяван и Савитри, по одну сторону стоявшие,
С дозволения, беспечальные, сели.

После чего, усевшись вместе с царем, все отшельники,
Любопытством побуждаемые, спросили царевича,

Т а к отшельники молвили:

Отчего не вернулся ты раньше с супругою вместе, о владыка,
А пришел поздно ночью, что тебя задержало?

Твой отец и мать и все мы, опечаленные,
не могли понять, что случилось.

Обо всем о том расскажи же нам, о царевич!

Промолвил С а т ь я в а н:

С дозволения отца отправился я вместе с Савитри.

Там, в лесу, когда рубил я дерево, появилась боль у меня в голове.

С этой болью заснул я надолго, так мне помнится,
Никогда прежде не спал я столько времени.

Дабы всем вам, почтенным, не причинить печали,
Поздно ночью вернулся; нет здесь другой причины.

Г а у т а м а п р о м о л в и л:

А почему возвратилось зрение Дьюматсене, отцу твоему?
Если неведома тебе причина, то ты, Савитри,
  соблаговоли рассказать нам.

Тебя услышать хочу, о Савитри, тебе же все ведомо.
Знаю, о Савитри, блеском самой богине Савитри ты равна.

Ты знаешь причину, так поведай же нам истину,
Если нет у тебя тайны какой-либо, то расскажи нам все.

П р о м о л в и л а С а в и т р и:

Так, как желаете, не иначе, все вы узнаете,
Только правду услышите, ибо тайны никакой нет у меня.

Великим мудрецом Нарадой была предсказана мне смерть супруга.
Сегодня наступил день тот, оттого не оставляла я Сатьявана.

Когда спал он, воочию явился Яма со своею свитою⁵.
Связав, повел он его в страну, населенную предками.

Сего владыку, могучего бога, порадовала я праведным словом,
И пять даров дал он мне, от меня узнайте о них:

Зрение и царство свекру моему — два дара,
Сто сыновей отцу моему и сто сыновей мне самой,

Четыреста лет жизни мне и супругу моему Сатьявану,
Ибо ради жизни Сатьявана стойко выдержан мною обет.

Вот истинная причина, рассказанная вам пространно,
Как великое горе мое обернулось счастливой будущностью.

П р о м о л в и л и о т ш е л ь н и к и:

Царский род, застигнутый бедами, в темной бездне тонущий,
Тобою спасен благородно, тобою, в ком сочетаются добрый нрав,
  чистота и преданность, о праведная!

М а р к а н д е я п р о м о л в и л:

Так воздав почитание, прославляя ее,
  прекрасную женщину, те отшельники,
Простившись с царем и сыном его, радостные,
  в жилища свои вернулись благополучно.

П р и м е ч а н и я

¹ Этой репликой брахмана Суварчаса открывается перечень высказываний отшельников, иллюстрирующий акт коллективной магии — «заклятие истиной» (ср. выше, примеч. 12 к гл. V).

² Изучены мною веды с ангами... — Веды — древнейшие памятники индийской словесности, включающие три собрания священных гимнов — Риг-, Яджур-, Самаведу, а также четвертое — Атхарваведу, собрание магических заговоров, сакрализованное позднее. Анги (веданги) — пояснения к Ведам, шесть научных дисциплин (и среди них — просодия, грамматика, этимология и астрономия), развившихся из потребностей неукоснительно точного воспроизведения священных ведийских текстов и их толкования.

³ Брахмачарин — здесь — «блюдуший обет целомудрия» (ср. выше, примеч. 8 к гл. I).

⁴ ...при угасании стран света... — т. е. с наступлением ночной темноты, когда солнце заходит за горизонт.

⁵ ...явился Яма со своею свитою. — Ранее о спутниках Ямы не говорится (ср. выше в тексте, гл. V, слова Ямы: «Не подобает, чтобы вели его мои люди, потому сам пришел я»). Возможно, здесь имеет место эпическое противоречие: внимание сказителя сосредоточено на главном, и конкретные детали оказываются неважны.

VII

Маркандея промолвил:

Когда миновала та ночь и поднялся солнечный диск,
Все отшельники, утренние обряды сотворив, вновь собрались.

Не могли великие отшельники пресытиться, снова и снова
Дьюматсене рассказывая о славной участи Савитри.

И тут из страны Шальвиев ¹ пришли, о властитель, все подданные,
И сообщили, что враг царя убит своим советником.

После того как услышали, что убит он с родственниками и
приверженцами,

Сообщили они, что и войско вражее в бегство обращено и
рассеяно.

О царе ж у всего народа одно только было мнение:
Зрячий или незрячий, да будет он государем нашим.

С тем решением посланы мы сюда, о царь.
Для тебя колесница эта прислана и войска четырех родов ²,

Соблаговоли же, о повелитель, отправиться,
провозглашена твоя победа в городе,
Восседай на троне, унаследованном от отца и деда, долгие годы.

И увидя, что царь прозрел и преисполнен величия,
Широко глаза от удивления открыли и припали челом к земле.

Затем, склонившись перед всеми старейшими брахманами,
что в обители жили,

Приняв от них всех почести, Дьюматсена в город двинулся.

Шайбья вместе с Савитри в колеснице сверкающей,
богато убранной,

Влекомой людьми, окруженная войском, также отправилась.

После того пурохиты совершили с радостью
обряд окропления Дьюматсены на царство

И сына его доблестного соправителем провозгласили.

Спустя много времени народилось у многославной Савитри
Сто сыновей, героев, кого в бегство обратить невозможно.

А также сто братьев единоутробных у нее стало,
прекрасномогучих,

Рожденных Малави от Ашвапати, царя мадров.

Так отец и мать, свекор, свекровь, весь род супруга
 Был избавлен от горя царевною Савитри.

Вот так и прекрасная Драупади, чтимая за добрый нрав,
 Спасет вас всех, как благородная Савитри³.

Промолвил Вайшампаяна:

Так тот Пандава⁴ был утешен великодушным подвижником,
 И беспечально, спокойно, о царь, жил в лесу Камьяка⁵.

И тот муж, кто выслушает с преклонением
 возвышенное сказание о Савитри,
 Будет счастлив и преуспеет во всех делах,
 и не постигнет его невзгода⁶.

Примечания

¹ Шальви — то же: шальвы; см. примеч. 3 к гл. I.

² Войска четырех родов — традиционное деление по родам войск включает пехоту, колесницы, конницу и боевых слонов.

³ Вот так и... Драупади... спасет вас всех, как... Савитри. — Этими словами риши-мудрец Маркандея подчеркивает значение «Повести» как утешительного для изгнанников-Пандавов «примера», образца поведения, который позволяет корректировать их душевное состояние (ср. далее в тексте: «Так тот Пандава был утешен... и беспечально, спокойно... жил в лесу...»).

⁴ Пандава — сын царя Панду, здесь — Юдхистхира (так же зовутся и его братья).

⁵ Камьяка — лес, в котором протекало изгнание эпических героев.

⁶ «Повесть о Савитри» завершается «даром за слушание» (пхалашрути), что автоматически возводит ее в ранг священного текста и приравнивает его рецитацию по значимости к отправлению ритуала.

*Перевод Н. В. Лобановой, примечания С. Л. Невелевой,
 публикация В. К. Афанасьевой и Я. В. Василькова*

**«Glorification of the Devoted Wife»,
 translated from Sanskrit by Nina V. Lobanova**

«Glorification of the Devoted Wife (*Pativrātāmahātmya*)», known also as «The Tale of Savitri (*Sāvitryupākhyāna*)» is a part of the great Indian epic poem the «Mahābhārata» (Mbh. III.277–282). This translation from Sanskrit into Russian was done in the 1950-s by the Russian Indologist Nina Vladislavovna Lobanova (1904–1976), but for many reasons could not be published during the scholar's lifetime. The present publication was prepared by N. V. Lobanova's daughter, Veronika K. Afanasyeva and the Indologist Yaroslav V. Vassilkov. The Preface contains 1) necessary information about Indian tale (stressing its mythic and ritual connections and particularly its ties with the mythology of the *Gāyatri* mantra and the *Vatasāvitri* rite) and 2) translator's biographical data. Notes to the text were compiled by Svetlana L. Neveleva.